

НА ПОРОГЕ ИСТИН

Инна Костяковская

На пороге истин - первый сборник стихотворений философской и любовной лирики хайфского поэта Инны Костяковской, члена Союза писателей Израиля.

Редактор: Вадим Халупович.

Оформление и графика: Печатная продукция Ориан

Для связи с автором : innaroz10@yandex.ru

Все права защищены

. כל הזכויות שמורות, תשע"ב 2012

עיצוב והפקה: אוריאל הפקות דפוס בע"מ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая книга поэта Инны Костяковской «НА ПОРОГЕ ИСТИН» открывается разделом «ПРОСВЕТЫ В КРОНАХ». Эти «просветы в кронах» открывают поэту и читателям «чудо небосвода».

В них, как говорит поэт, «главная наша свобода», позволяющая нам вести поиск истин в жизни, любви и в Боге. Недаром Инна Костяковская говорит: «Мой Бог во всём. И я в нём растворяюсь, когда люблю, надеюсь, плачу, каюсь»... В поисках истины она видит цель своей книги и возможность выразить себя.

Эта книга – поэтическое повествование о жизни равнодушной, мятущейся души, попытка ощутить себя нужной в многообразном мире, радостном и трагическом. Для поэта Костяковской главное жить полной жизнью – «не сломаться, не прогнуться, не остаться в пустоте»... Поэтому для неё самое ненавистное – это серый цвет: *«Я просто ненавижу серый цвет За узость мысли, примитивность взгляда, Нет в сером дерзости, отваги нет, Но серому всё это и не надо...»* Её влечёт гармония в жизни и природе, она настаивает на том что:

*«Во всём гармония, везде,
В дожде, в огне, в слезе, в звезде,
В случайной капле на песке,
В дрожащей жилке на виске...»*

Не случайно у неё рядом огонь, звезда и «дрожащая жилка на виске...» Мир, конечно, гармоничен, но...

И рядом с восторженностью взгляда возникает задумчивость и осмысление трудного баланса слова и мысли, времени, мчащегося неостановимо, и жизни, оставляющей следы в характере и состоянии души. И возникает другой, раздумчивый ритм стиха:

*« Тихо падают дождейки
В небе солнца луч погас.
И ложатся паутинки
У моих печальных глаз...»*

Осмысление себя, своей беспокойной души, своего места в жизни проявляется в откровенных, личных и любовных стихах, где она о себе говорит:

« В душе еврейка

*С русскими мозгами,
Я говорю судьбе в который раз:
Играем в то, что выбираем сами...»*

Но общественный темперамент, при этом, вдруг открывается через слова высокие и значительные:

*« ...И приходят слова из космической
сумрачной дали,
Обещают и верят, и снова о чём-то
грустят,
И приходят слова те, которых совсем и не
ждали,
И о вечном со мной уже тысячу лет
говорят...»*

Ощущение себя в ряду тысячелетней поэзии – это тоже неожиданно и удивительно, но не самонадеянно, потому, что её стихи говорят

*«... Про арфу Давида, слова Соломона,
Про радость и стоны еврейского дома,
Про, вечно в душе живущую рану,
Я буду писать*

И землёй этой стану...»

Вот эта надежда « *стать этой землей*» подтверждает её место с живущими рядом.

*« Помнишь, жили и трудно, и бедно,
до зарплаты считая гроши...
Испытание роскошью вредно
Для живущей стихами души...»*

Книга Костяковской, лирическая. Особенно в разделе «ВОЛЧЬЯ ЯГОДА», в циклах «ТЕБЕ» и «ЕЩЁ ДУША ОТКРЫТА ДЛЯ ЛЮБВИ», где много стихов об отношениях любящих людей в нашем трудном мире..

*«... Расплескались наши души
по страницам бытия,
я читаю – ты послушай,
ты читаешь – слышу я ...»*

Она не приукрашивает трудности существования в наше время. И появляются пронзительные строки:

«...Жизнь моя – волчья ягода,

*То жара, то мороз,
Серебристая радуга
Или море из слёз...»*

И ещё такое знакомое: *« Мои ошибки,
неудачи, / Мой вечный бег усталой клячи, /Мой
Судный день...»*

Не уйти поэту Инне Костяковской и от памяти о удыбах поэтов Мандельштама, Шаламова, Бродского. Не уйти от памяти о Холокосте. Эти стихи у неё существенны, потому что без этой памяти поэту жить нельзя и писать нельзя... Недаром она озаглавила третью часть своей книги *«Я ВЫБИРАЮ ГЛАВНОЕ»*:

*«Мой век расколот надвое
На мрак и веры свет.
Я выбираю главное
Уже две тыщи лет...»*

Практически все стихи Костяковской о главном – о любви, о жизни - о жизни прошлой *«там»* и нынешней здесь, где

*«Солнце будет сиять в зените.
Здесь зимой зеленеют пальмы.*

*Вы по-русски со мной говорите,
А иврит я детям оставлю ...»*

Заканчивая, свою книгу, свои поиски места для души Костяковская удивляется:

*« ... как много надо для души,
как мало надо...»*

И приходит к ней понимание того, что

*«...Нет времени. Есть блеск любимых глаз.
Пространство и судьба. Любовь и жизнь.
Есть только МЫ. Сегодня и сейчас.
И в Вечный Разум посланная мысль...»*

Книга «НА ПОРОГЕ ИСТИН»
замечательное начало поэтической судьбы
Инны Костяковской.

Вадим Халупович,
Член Союза Писателей Израиля,
Член Союза Писателей России.

**«...как будто жизнь
качнётся вправо,
качнувшись влево »
И. Бродский**

*Где-то там, на пороге истин,
я услышу ЕГО ответ:
если совесть, то только – чистой,
если вера, то только в свет.
Где-то в отблесках подсознания
открывается новый мир,
наше странное мирозданье,
нелегко мне ужиться с ним...
Где-то там, на небесной качели,
всё по-прежнему – наоборот,
наша жизнь качнётся влево,
или вправо, ускорив ход...*

*Просветы в кронах – это наши думы,
просветы в кронах – это наши дюны,
дорога по которым не легка,
просветы в кронах трепет лепестка,
просветы - наше горе, боль, тоска...
В просветы видно чудо небосвода,
Просветы - наша главная свобода!*

ПРОСВЕТЫ В КРОНАХ.

Может, хватит поиска истин,
и своих и чужих дорог.
В этой жизни нашла я пристань...
Это песни, стихи и Бог!
Может, хватит поисков счастья,
оглянуться, понять, простить...
Меж карьерой, любовью, страстью
Надо просто верить и жить!

МОЯ ДУША

Я выходила из своей пустыни
так много долгих, долгих, долгих лет.
Я постигала новые святыни,
в песчаной буре солнечный рассвет.

Я убегала от бывшего рабства
Я постигала суету сует,
и разделяла время и пространства
на тысячи не прожитых мной лет...

Сжигали на кострах... дымились печи...
Расстреливали много раз в Яру,
во мне так много вражеской картечи,
а я живу, живу, живу, живу...

И не убить во мне души еврейской,
какая бы не выпала юдоль,
живу как прежде с профилем библейским,
и на кресте не ощущаю боль...

Мой Б-г во мне. Душой его приемлю
и вместе с ним я огибаю Землю,
и вместе с ним я постигаю Солнце,
мой Б-г во мне и плачет, и смеётся...
Мой Б-г во мне и в капельках дождя,
и в суматошной призрачности дня..
И в золочённых кипах синагог,
и в новизне не пройденных дорог,
в порывах ветра, в тающей луне,
в тревожном и в давно забытом сне,
Мой Б-г во всём. И я в нём растворяюсь,
когда люблю, надеюсь, плачу, каюсь...

ГОСТИНИЦА - МОНАСТЫРЬ. НАЗАРЕТ

*"сломали Греческую церковь,
дабы построить на свободном месте
концертный зал"*

И. Бродский

Красота. Высота. И величие.
Здесь – распятие. Иконы и крест.
Но забыты слова и приличия,
моль давно кресла старые ест.

Дождь идёт. Плачет небо неистово.
Не пойму, что рождает печаль?
Ничего не осталось здесь чистого,
просто жаль. Оскорбительно жаль...

Монастырь и церквушка старинная!
Вы теперь украшеньё, пиар...
И туристов верёвочка длинная
здесь шагает, приличья поправ.

Ну зачем вы толпою дурацкою?
Не шумите – святые места!
Но гремели бутылки кабацкие,
там, где славили раньше Христа.

И. БРОДСКОМУ

*"Со смертью не все кончается..."**

С. Проперций

Не всё кончается со смертью!
О чём жалеть?
Душа с земной простится твердю,
чтоб улететь!
Не всё кончается для Вас,
судьба капризна,
и плачет наш иконостас
над вашей тризной...
Не всё кончается - душа
живёт твореньем
и продолжает не спеша
своё движенье...
И проникаю в жизни суть
строкой из книги,
не уходи и рядом будь,
вокруг интриги...
Спаси меня от пустоты
и от безверья,
и от душевной немоты
и от сомненья!

Подай мне руку, ведь беда –
болят колени!
Не всё кончается, когда
Уходит гений!

** Эти слова Проперция высечены на
надгробии И.Бродского.*

Ещё изгнанник нищий Диоген,
по улицам Афин он катит бочку,
и мудрость Греции не сложена по
строчкам,

и не разрушен древний Карфаген...

Ещё семь раз не погибала Троя,

и Моисей не слышал Б-жий глас...

Уже нас двое, нет, простите, - трое!

А третий кто? –

Он сверху слышит нас...

Я не плачу – мною плачет небо...
и зовёт, зовёт в такую даль,
где смешались сказкой быль и небыль,
где живёт всегда моя печаль.
Я не плачу – слёзы льются сами,
подсознание, память, боль потерь.
И светится круг над образами,
и манит таинственная дверь...
Я не плачу – лишь мороз по коже...
Слышу голос, вижу дивный свет...
О, великий, всемогущий Боже!
шла к тебе так много долгих лет.
Я не плачу – плачет небо мною.
звуки... голоса... и эти лица...
я давно свою открыла Трою,
чтобы в этом небе поместиться...

Таинственность строчек. Но важно начало,
забытые вёсла лежат у причала,
мелодии песен, знакомые с детства
и стареньким пледом уже не согреться...
Я снова свои потеряла скрижали,
и снова пишу про забытые дали,
про море и ветер, про хайфский песок,
про то, как ты был без меня одинок...
Про солнечный город, умытый дождями,
про наши сомненья, живущие с нами.
Про арфу Давида, слова Соломона,
Про радость и стоны еврейского дома,
Про вечно в душе живущую рану
я буду писать.
И землёй этой стану...

Из ничего рождаются стихи –
из ерунды, из чепухи...
Дрожащий темно-жёлтый лист,
Звонящий воздух, ветра свист,
пьянящий вмиг морской прибой,
мои сомнения и боль...
Полёт звезды, упавшей с неба,
замёрзший воробей над крошкой хлеба,
исписанные поперёк листки бумаги,
и жизнь, прожитая скорее без отваги...
И сколько впереди? Кто знает сроки? -
Из ничего слова приходят в строки.

9 декабря 2011г.

Время тянется тягучей липкой лентой
и состоит из разных элементов:
из тишины, из шума, плача, крика...
из пустоты идёт рождение мига,
из ничего, в завесах подсознания
в Секунды переходит Мироздание.
Они считают годы, судьбы, вехи,
моря и горы, океаны, реки...
Они считают праздники и будни,
они считают путь к победам трудным.
И тают свечкой чувства и желания –
в секунды переходит Мироздание...

И СО МНОЙ ГОВОРIT ТИШИНА...

Серый вечер и серый воздух,
и закутана в саван луна,
и приходит вечером поздним
говорить со мной тишина.

Ощущаю незримую связь
между прошлым и настоящим,
и вплетается строчек вязь
чёрным кружевом в лист шуршащий...

Как зовёт он своей белизной!
Попадаю я в мир иной,
странный мир, в нём всегда – я одна...
И со мной говорит тишина...

Два мака у дороги, две судьбы,
как мы, склонили головы к земле.
Мы живы, но предчувствие беды,
оно знакомо и тебе, и мне...
Мы отцветём, как маки у дорог,
и станем, как они – пыльцой и пеплом...
Когда придёт наш час? Всё знает Б-г...
И маки, что склоняются под ветром...

Где-то там далеко,
после нашего всё же ухода,
мир сужается очень легко
до тропы, до её перехода
в те иные миры,
с измереньем другим и пространством
ты получишь дары...
Ну а здесь?
Здесь надейся и странствуй!

Я ухожу, издав последний стон,
Я птица из того большого дома,
который изначально обречён
от табуреток до оконного проёма...

Я ухожу, издав последний стон,
я птица из того большого сада,
в котором словно колокольный звон,
звучала музыка парадного фасада...

Я ухожу, издав последний крик,
я расправляю крылья в синей дали,
освобождаюсь от своих вериг,
а вы, вы тоже так уйти мечтали?..

И смерти нет –
есть переход
в другие выси...
где нет забот
долгов,
врагов,
и мира чисел...
Где нет тоски
и боли нет – их здесь довольно,
душа не рвётся на куски
и ей не больно...

АНГЕЛУ!

Возьми меня в тот мир, с собой!

Где тополь шелестит листвой...

Где у людей сердца и души,

в тот мир, который просто лучше!

Возьми меня с собой, туда,

где плачет талая вода,

и где задумчивы закаты,

в тот мир, где огненный рассвет...

Где нет тоски, расплаты

нет... И горя нет...

В тот мир, где яркий свет!

В дрожаньи листьев,
и в их просвете
так много грусти
о прошлом лете,
и через кроны
я вижу небо,
миры другие,
в которых небыль...
Да, мы не вечны,
ну и не надо,
холодный вечер,
листвы прохлада...
Наступит утро,
сиянье света,
моя надежда
гуляет где-то,
но, как и прежде
ошибок стаи
в края другие
лететь не стали.
В дрожаньи листьев
и в их просвете
так много грусти
о прошлом лете...

Я ненавижу в жизни серый цвет
и серость не люблю в любом обличье,
не потому, что розовый рассвет,
иль огненный закат в своём величье.

Я просто ненавижу серый цвет
за узость мысли, примитивность взгляда...
Нет в сером дерзости, отваги нет,
но серому всё это и не надо!

Серебристо-зелёная свежесть!
Этой ночью такая прохлада!
Улетай из меня моя нежность
хрупкой бабочкой райского сада!
Улетайте и глупость, и юность,
не скажу, чтобы очень досадно,
мне, конечно, немного взгрустнулось,
ведь терять нам всегда неприятно...
Чтоб душа не осталась пустою,
я закрою
её на замок,
чтоб Любовь не сбежала к другому,
даже если и кончится срок!

Поэты уходят всегда в небеса,
и с неба на землю как Божья роса,
как свет от далёких, непознанных звёзд,
как тайны ещё не проделанных вёрст,
как дождь или ветер, как снег или пыль,
поэты с небес возвращаются в мир...
Их строки о вечном. И страсти. И пыл.
И вечной любви нескончаемый пир...

К поэзии живому роднику
я жадными губами припадаю,
читаю за строкою я строку,
листаю книги старые, листаю...
вот так голодный – корке хлеба рад,
так лето принимает листопад,
так начинается движение планет
и ничего прекрасней в жизни нет...
поэзии живой родник струится,
листаю за страницю страницу...

И. МАНДЕЛЬНШТАМУ

Для Руси иноверцем,
для поэзии – Бог,
с этим раненым сердцем
жить он просто не мог...
Мандельштамовским эхом
наполняется мир,
лихолетья и вехи
отступают пред ним...
И небесные струны
от воздушности рифм,
как волшебные дюны,
страсть в тоску перелив,
Как дыханье свободы,
Б-жий свет или глас,
через дальние годы
так же трогают нас...

«Жизнь-холмы, холмы..»

И. Бродский

В делах мы не исполины,
С забвением обручены.
Смерть - это лишь равнины,
Жизнь - наши в ней холмы.

Собрав последние силы,
Карабкаемся наверх,
А кто-то плюёт нам в спины
И слышится чей-то смех.

Так будет. Так есть. Так было...
Несправедлива жизнь.
Ползём на свои обрывы,
Чтоб снова скатиться вниз...

ПАМЯТИ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

Семнадцать лет баланды лагерной,
семнадцать зим страдало тело,
семнадцать вёсен его украдены,
зато душа парить умела...

И поднималась над закатами
над унижением и болью,
а он иконку Божьей матери,
хранил всегда у изголовья...

И обмороженной кожей
он гладил лик её святой,
лишь тело было уничтожено –
душа парила над землёй!

Он выжил, выдержал и выстоял
пройдя всю боль и муки ада,
с иконкой той, одной единственной,
а что ещё для веры надо?..

"Я жив не единым хлебом..."

В. Шаламов

Живёшь лишь насущным хлебом?

Так знай, что живёшь не так...

Глаза поднимая к небу,
почувствуешь - это знак!

И станет тебе намного
светлей и радостней жить,
и голос услышишь Бога,
он будет с душой говорить!

Пройдут тоска и сомненья,
откроется мир другой –
мир трепетного волненья
за близких, живущих с тобой...

В. М.

Время - листком сухим
падает к нашим ногам...
Счастлив ли был ты, любим?
давал ли сдачи врагам?..
Время - листком сухим...
Сколько их было - зим,
сколько их было - дней,
когда ты был рядом с ней...
Сколько их было - вёсен,
уже ни о чём не спросим,
время - листком сухим...
Уходим мы вслед за ним...
Жизнь - страшна и сурова,
но лист вырастает снова...

ЧИТАЯ ХАЙЯМА...

Я знаю, простота не терпит суеты,
как и не терпит в мыслях пустоты,
как и не терпит глупости и лени...

И так рождаются из музыки, из тени,
из дуновений ветра, капелек дождя,
дар Божий принимая и храня,
простые строки с трепетным волненьем,
не тронутые времени теченьем...

Так мудрость в простоту переродится
на крыльях вечности, взлетая синей
птицей...

СОН ПОЭТА

Уходит ночь на небеса,
задвинув шторы,
и проникают чудеса
в меня сквозь поры.

И эту новую зарю,
и день грядущий
с тобою рядом разделю,
как хлеб насущный.

Поэзии живой родник,
мне снова снится,
губами жадными приник
И не напиться...

ВАДИМУ ХАЛУПОВИЧУ

Поседел старый конь, поседел,
но по - прежнему стать горделива...
Поднимается он с колен,
если звёзды проходят мимо...

За спиной расправляет крылья
и летит вслед былым дождям,
он прекрасен в своём усилье,
только вряд ли доступен нам...

Как научиться быть в гармонии с собой,
довольствоваться малым, что имеешь,
и путь, что называется судьбой,
пройти достойно, а не как сумеешь,
без зависти и злобы на других,
удачливых и более счастливых,
перезагрузку ценностей своих
осуществить – от истинных до мнимых?..
Как научиться не таить обид,
не опускаться до банальной мести
и быть добрее, а не делать вид,
и в нужный миг быть рядом в нужном
месте?

Как научиться смелости простить
того, о ком и вспоминать не стоит?
И мудрости, чтоб эту жизнь ценить
не разрушая, если не построить?..

Потому что зима начинает свой путь с
листопада,
потому что судьба уготовила то, что не
надо,
потому что слова – это только слова, а не
средство,
потому что дела, а не деньги оставим в
наследство,
потому что Земля погибает в тисках от
прогресса,
потому что живём мы всегда в состоянии
стресса,
надо верить и жить по законам неписанных
истин
и с душою младенца остаться, во истину
чистой...

Нет времени...
В пространстве и в судьбе.
Когда глаза ты поднимаешь к небу,
то различаешь в этой суете,
ещё и крошки, что в придачу к хлебу...
Нет времени,
бессмертие и смерть
понятия, задуманные кодом.
Своею жизнью и своим уходом
мы повторяем эту круговерть...

Не обращаюсь с просьбами к Нему,
а только с благодарственной молитвой
за то, что солнце вижу по утру,
и что слова опять ложатся слитно...
За то, что новый день принёс зарю,
за радугу цветного листопада,
за то, что я тебя всегда люблю
и большего мне, в общем, и не надо...

Я – проводник, я раскалённый нерв
и чувства снова переходят в слово,
наверно, это каждому знакомо.
Ну, а меня всё тот же червь,
который раздавить готова,
грызёт, а надо бы простить
самой себе
ошибки, неудачи,
чтоб жить не в страхе, не в борьбе,
не возвращать обидчикам по сдаче,
когда причина только лишь в себе...

Я точно знаю – ада просто нет,
Господь в своём величье не карает!
Даёт нам выбор, а причина бед –
сам человек, который выбирает!

МЕТРОНОМ

Холодно,... страшно... и Бога нету!
Я в Освенцим в вагоне еду!
Холодно,... страшно... в пустой квартире
слышу колокола Хатыни!
Мрак барака похож на хлев,
я баланду в лагере ем!
и ребёнка я слышу плач,
не поможет ни водка, ни врач-
это Бабьего Яра стон,
не слабеет с годами он...
На душе моей снова рана -
мать хоронит сына с Афгана!
"розы, герань, гиацинты
на страшный их гроб из цинка",*
и памятники - в ряд
двадцатилетних ребят...
Это память тревожит сердце,
от тоски никуда не деться,
это мой генетический код
исчисляет убитых счёт...

**Цитата из "Холмов" И. Бродского*

Листья тихо опадают,
что они о жизни знают,
мы на них похожи чем-то,
так же мы гонимы ветром,
с мест оседлых нас сдувала
и по свету раскидала
жизнь в своих капризах вечных...
А бывает ветром встречным
нас притянет как магнитом...
где-то там, в тоске забытой,
на краю печальных истин
закружатся в танце листья,
дождь играет в ритме джаза,
лучик солнца в луже – стражом...
Листья тихо опадают,
что они о жизни знают?..

И снова снился мне Морской вокзал.
Осенний ветер. Старенький причал,
как колыбели, лодочки качал...
Порывы ветра выворачивали зонт,
был темно-серым мрачный горизонт
и мне казалось - потерял уют
холодный город, где меня не ждут...

Зелёная ель напротив окна,
верхушка её так печально желта,
она пожелтела, а я побелела,
как - будто испачкала волосы мелом,
а время безжалостно было всегда
и ловим мгновенья, минуты, года...
И стрелки секундной стремительный ход,
считает не время, считает восход,
считает закат, считает судьбу,
и ветер в холодную дует трубу
и за окном качается ель,
она погибает, настал её день...
И на верхушку времени тень
странную желтою краской легла,
ель поглощает вселенская мгла...

Судьба берёз и тополей
так с нашей схожа,
пленают зеленью ветвей,
а дальше, позже,
как мы – становятся золой,
землёй и пеплом,
как мы, ведомы злой судьбой,
гонимы ветром...
Уйди из сердца злая грусть,
пью жизнь запоем
и у деревьев я учусь,
жить – стоя...

Идут года, как тучи над горою,
цепляясь иногда за горизонт,
ну что, скажи, я в этой жизни стою?
я под дождём распахиваю зонт...

А ведь когда-то душу распахнула
я для стихов, для песен, для тебя,
жизнь бабочкой цветною промелькнула,
оставив в одиночестве меня...

Забывших песен старые мотивы.
осенний ветер, шум дождя...
Года в "тоске необъяснимой"
как тучи пролетели мимо...
О, жизнь, цепляюсь за тебя!

Когда я стану тенью,
лишь тенью на песке,
и предана забвенью -
лишь даты на доске...

Душа опять вернётся
сюда в тоске своей
и вновь увидит солнце,
и море, и людей...

Вселится в чьё-то тело
и будет сочинять,
любить, как я хотела,
и верить в благодать.

Когда я стану тенью
и просто испарюсь,
другой « *в тоске смертельной* »
опишет чью-то грусть...

В мясорубке житейского толка,
без особых затрат и затей
перемелются кости потомков,
перемелются страсти людей.

И заправят тот фарш горьким перцем,
и поставят вариться в избу...
ОН всё знает. *ЕМУ* с лёгким сердцем
доверяйте и жизнь и судьбу.

С годами мир сужается до точки.
Тебе уже не хочется другого.
Как на деревьях набухают почки,
так наши мысли переходят в слово.

Вот так корабль, потрепанный волнами,
приходит в порт, к желанным берегам,
так наши мысли иногда живут словами,
так часто непонятными и нам.

С годами мир сужается до точки.
И вдруг - открыта горизонта даль,
нелепость фраз, нестройность строчки...
Впустую прожитых мгновений... жаль...

Не считаем года, не считаем,
пусть пылятся давно у порога,
с каждой осенью мы понимаем –
всё короче, короче дорога...
Пусть уже ощущаем усталость,
что на плечи нам грузом ложится,
но ещё далека наша старость...
и, как в детстве, смыкаем ресницы –
пусть сегодня мама приснится...

Промчалось лето – поезд скоростной,
и осень прилетела рыжей птицей,
мне так хотелось встретиться с весной,
а поезд жизни мчится, мчится, мчится...

Вокзал желаний... Остановка – миг,
и никогда ничто не повторится,
я с шёпота перехожу уже на крик,
так пусть со мной всё это не случится.

Не прозевать, не пропустить
моей души связующую нить,
моей души забытую весну,
а поезд мчится – всё равно ему!

Моё стремительное море,
таинственность, вина, беда...
Волна с волной в извечном споре...
Меня влечёт к нему всегда!

И в шуме волн, таком минорном,
я забываю каждый раз
об этом мире разном, спорном,
о холоде любимых глаз...

Мы бренны. Только море вечно
и этот золотой песок
придёт описывать беспечно
поэт, что так же одинок....

«Мы разучились нищим подавать»

Николай Тихонов

Мы разучились нищим подавать
и боль чужую не приемлем близко,
мы разучились верить, помнить, ждать
и с трепетом стоять у обелисков.

Куда несёт стремительность событий?
Без Веры и надежды пропадём.
Исчезло время таинства открытий,
мы просто выживаем - не живём...

За равнодушие ещё придёт расплата.
Куда зайдём в своём пренебреженье?
Лишь только звезд мерцающих движенье
нам повторяет- изменяться надо...

*...читая «Овраги»
Эдуарда Фишера...*

Просто невозможно так...
из-за слёз совсем не видно текста...
Это я отсчитываю шаг,
это и моё в овраге место.
Это я по Киевскому склону
прошагала с мамою и братом...
а фашизм опять рождает клонов
и опять мы будем виноваты.
Так держись же с горем пополам
за клочок теперь твоей земли,
чтобы на могилы наших мам,
мы с собою внуков привели...

Наши мысли умнее нас,
наверно,
мы живём и думаем
часто скверно,
по счетам не платим,
при нашей зарплате ...
Говорим – хватит,
чаще, чем «*нате!*»,
хвалим пошлость
и серость -
смотри тетради!
И забыта смелость!
А чего ради
высовываться!
Не укради –
главный лозунг,
но ему места
в жизни нет,
потому что – тесно,
потому что легче
жить лишь бы как,
потому что меньше
любим собак,
и заводим в доме
разных тварей,

да и сами часто
ходим стаей...
Что случилось с нами –
рассудит время,
мы имеем то,
что мы имеем...
Расправляясь
с врагами,
кем стали сами?
И кем вырастут
наши дети,
на этом,
таком
разном
свете?!

Не говорите – важен хлеб насущный,
не говорите, что живу во сне,
а где-то там, над далью, нас зовущей,
кончается деление на «вне»...

Вне истин и непознанных открытий,
вне суеты, вне веры, вне огня...

Не говорите мне, не говорите,
что это «вне» и есть вся жизнь моя.

От того, что наш мир
на иглу равнодушья наколот,
из космических дыр
к нам приходят болезни и голод,
потому что любовь
продаём,
продаём,
покупаем –
мы его потеряем,
скорее всего – потеряем...

Лист скользит, гонимый ветром.
Станет скоро жёлтым пеплом.
Сколько боли в душах носим...
Лечит листопадом осень.
Безвозвратно, безутешно
лист умрёт во тьме кромешной
наших страхов и желаний
наших бед, побед, незнаний.
Лист умрёт за нас сегодня
и ноябрь, как старый сводня
обещает – счастье будет,
там, на перекрёстке Судеб!

Дали мне вчера свободу!
Я сегодня на коне!
Перейти бы реку бродом,
но уже по горло мне...

На вопросы нет ответа,
не поделишь, как пирог
счастье. Бродит, бродит где-то,
где-то у семи дорог...

И Любовь блуждает тоже,
заблудилась в темноте.
Может, встречу с нею, может,
ведь Любовь живёт везде!

Нам бы с ней не разминуться
и в житейской суете
не сломаться, не прогнуться,
не остаться в пустоте!

Как доказать *ЕГО* существование?
Ведь *ОН* во всём, везде, всегда и всюду,
доказывать я ничего не буду,
и связь эпох скорее оправдание
для нашего понятия о чуде
не должен Он сейчас сойти с небес...
Он просто – здесь!
Всегда в душе поэта,
в благоуханье звука или цвета,
в мелодии, которую услышишь,
в романсе, что любимой ты напишешь...
Во всём, что гармонично и прекрасно
живёт наш Б-г и не ищи напрасно!

*Во всём гармония, во всём.
Она в любви и в милосердьи,
И мы гармонию несём
с рождения до самой смерти.*

*Во всём гармония, везде,
в дожде, в огне, в слезе, в звезде...
В случайной капле на песке,
в дрожащей жилке на виске!*

*Гармония начала лета,
Гармония его конца,
гармония в стихах поэта,
Гармония в словах Творца...*

Б-г с нами говорит,
в стихах, в картинах, в фильмах,
Б-г с нами говорит
из книг на полках пыльных,
Б-г с нами говорит
всей мощью силы слова,
а мы не понимаем,
и слышен лязг затвора...
и праведникам, знаем,
уже стоят кресты,
не стой над урожаем,
расти его...
Расти!

Жизнь прекрасна каждым новым мигом,
каждое мгновенье – хороша,
жизнь прекрасна, если нами двигал,
тот мотив, что требует душа!
Жизнь прекрасна каждое мгновенье
и не надо на судьбу пенять,
если не согласен – точку зренья
без сомненья лучше поменять!
Жизнь – прекрасна! Но не в этом дело,
жизнь одна, дана всего одна,
и по ней идти придётся смело,
а иначе кончится она!

Если наш интеллект сужается до матраса,
если нас пугает в священнике ряса,
если даже в снах мы не стали чище,
значит что-то не так в этой нашей жизни.

Если наши дела с мечтой в раздоре,
если снова загадили синее море,
если нам плевать на судьбу Отчизны,
значит что-то не так в этой нашей жизни...

Если наши дети забыли сказки,
если мы живём на одни подсказки,
если стало больше больных и нищих,
значит что-то не так в этой нашей жизни.

*«Есть мистика. Есть вера. Есть
Господь...»*

И. Бродский

Есть равенство во всём и есть баланс.
Но, человек, он слишком ограничен
и часто упускает нужный шанс,
не понимая – только Бог величен...
Есть мистика. Есть вера. Есть Господь...
Но человек, он слишком любит плоть,
чтобы искать и не понять отличий...
Есть равенство во всём, баланс во всём,
в добре и зле, в рождении и в смерти
и мы его в душе своей несём,
смотрите вверх и без сомнений – верьте!

Где-то там, наверху,
где сливаются в точке единой пути
Мироздания, где-то там, наверху,
за пределами наших интриг, неудач и
незнания
наши мысли, просчёты, успехи, доносы и
чтива
кто-то там собирает в единую мощь
негатива
и потом направляет с небес, разрушая
пространство,
с незavidным для нас, человеков, таким
постоянством...
И приходят цунами, разруха, болезни и
голод,
и вселенский потоп, а так же арктический
холод,
и сознание наше, как ось у планеты
сдвигается,
и сознание наше - больное, поэтому- всё
повторяется...
Где-то там, где сливаются в точке единой
пути Мироздания,
мы исчезнем, исчезнем,
исчезнем во Тьме без названия...

Всё у нас обыденно,
Всё у нас размерено.
Только знаю точно я,
На других проверено,
Слава, деньги, почести?
Их всегда так мало нам...
Вычищены дочиста
Мы к Нему пожалуем...

Ты открываешь мир с полночной звездой,
когда прибой своё кончает пенье...
Пенять на случай или на везенье
и рваться в бой, и жертвовать собой...
И примерять чужие колпаки,
как и венок терновый бесполезно,
а где-то там, вдали зияет бездна
и глупо ждать протянутой руки.
Поёт прибой забытую давно
мелодию, с которой я в раздоре...
На все вопросы отвечает море...
Принять, понять, услышать – не дано...

Есть то, чего не купишь,
ни совесть и ни честь,
и просто душу губишь,
вдыхая чью-то лесть...

Создателю не просто –
огромные масштабы,
мы не бросаем вёсла,
мы даже шторму рады.

Несёт куда-то лодку
и сколько нам осталось,
мы запиваем водкой
обычную усталость.

Приплыть бы поскорее,
причалить к берегам,
рассудит только время –
маршрут, известный нам.

*«Это время тихой сапой
убивает маму с папой»*

И. Бродский

Снег -
воспоминаньем старым,
век -
стремительно усталым,
бег -
по замкнутому кругу,
некогда в глаза взглянуть друг другу...
Жизнь моя стремительно несётся,
где-то позади дождя и солнца.
Страшно. Для других оставив место,
вдруг понять - кончается фиеста...
И оркестр прощальный гимн играет,
«время тихой сапой убивает».

В этой осени листья слетели, как бремени
тонны,

и душа поднимается выше и выше, туда,
где звучат в небесах, где звучат

колокольные звоны,

там, где музыку Брамса играет ветрами
труба...

Поднимается ввысь и парит в небесах,
словно птица,

за движеньем планет наблюдает уже без
помех,

я теперь понимаю, что если и что-то
случится,

нет другого пути - *только вверх, только
вверх!*

Только вверх!

ВОЛЧЬЯ ЯГОДА

*Жизнь моя - волчья ягода,
То - жара, то мороз,
серебристая радуга,
или море из слёз...*

Пусть была я неправую
и надменной всегда,
и измены отравую
напоила тебя...

Жизнь моя чёрно-белая,
Полоса, полоса,
пусть была я неверная,
но закончилась вся...

Жизнь моя – волчья ягода,
То – жара, то мороз,
серебристая радуга,
или море из слёз...

Жизнь моя полосатая,
от тоски до тоски,
только я виноватая,
что седые виски...

Я снова зацеплюсь за гвоздь
в заборе старом,
живём, как прежде, – на авось
в большом и малом!

Я за тебя цепляюсь, грусть!
И что поделать,
твоих подарков не боюсь –
рисую мелом

всё те же нолики, кресты
на наших датах,
а как хотелось чистоты
и мне когда-то...

Зачёркиваю невпопад
улыбки, лица...
Судьбы последний снегопад
мне снова снится...

Потому что счастье приходит поздно,
я забыла, как мне сверкали звёзды,
потому что счастья всегда нам мало,
я устала петь и гореть устала...

Два печальных клёна ещё не сад,
я приму без стога свой листопад,
за плечами - зрелость, а впереди...
мне найти бы смелость вперёд идти.

Опустел мой сад, не считай потерь,
жизни листопад мне стучится в дверь...
это буйство красок закружит нас,
не снимая масок, танцуем вальс...

Потому что счастье приходит поздно,
я забыла, как мне сверкали звёзды...

Дом пустой, замолкли в нём свирели,
Дым густой стоит над нашим садом,
это навсегда во мне сгорели
страсть и боль шального листопада.
Поскорей забуду этот голос,
руки, что всегда ломали крылья,
я стою – забытый жёлтый колос,
на ветру, где холодно и пыльно.

И снилась я себе цыганкой,
красивой, страстной и злой,
и управлять кибиткой шаткой
мне приходилось не впервой...

И в юбки броские одета,
Была дерзка я и смела,
дитя свободы и рассвета,
в руках держала удила...

И мчалась по степи безбрежной,
вдогонку солнцу и ветрам,
своим возлюбленным я нежно
слагала песни по утрам...

Живёт во мне душа цыганки,
хоть не цыганских я кровей,
любви моей из полной чарки,
скорее выпей... захмелей...

Я напою тебя рассветами
поверишь в чудеса опять,
и болью, картами, приметами
к нам время не вернётся вспять.

Не ищи во мне сходства
ни с Лаурой и ни с Беатриче,
не ищи во мне сходства-
найдёшь только массу отличий...
Не задумчивой дивой
из старых романов и книжек,
а земной и правдивой
из тысячи разных интрижек,
из аптечных флаконов,
из сигаретного смога
я попала к тебе,
убежав от Драконов
и рока...
И не будет в судьбе
у тебя никакой Беатриче,
потому что в борьбе
побеждает лишь масса отличий!

Не нужно в панцирь прятаться, не нужно,
дистанцию не соблюдает дружба,
не надо уходить от разговора,
не надо зажимать зубами слово.

И чем с тобой оплатим недомолвки?
Что ж уходи, ты стал таким неловким,
за панцирем душа всегда ранима,
а ты считал, что боль проходит мимо?
И где-то там, на перекрёстке Судеб,
мы встретимся, и, может быть, обсудим
как наше счастье уходило в Лету,
как разбросала жизнь по белу свету,
как воздуха нам ночью было мало...
Как наше лето осенью не стало...
Обсудим и уйдем дорогой дальней,
которая всегда кончалась спальней,
и смятых простыней белел там ворох,
любовь ушла к другим в рассветный
сполох...

Отпущу тебя, мой сокол,
поскорее улетай!
Не нашёл любви высокой,
так найди дорогу в рай!

Улетай, сомкнутся тучи
над твоею головой,
и тоска, змеёй гремучей
обвенчается с тобой...

Из снов хочу я в быль,
расправлю крылья,
сомнений пыль
развею без усилья...

Я унесу тебя
в такие дали,
от декабря,
от горя, от печали...

И от сомнений,
от тревог,
другое зрение
тебе откроет Б-г.

Мы облака
руками гладить будем...
Ну, а пока
мы люди, только люди...

Нам ни к чему искать проблемы,
они приходят сами,
неисчерпаемы дилеммы
с бессонными ночами...

Пойду, наверное, напьюсь...
Мозги щекочут нервы,
в бокале пусть утонет грусть,
пусть называют стервой...

Живём с тобой давно взаимы
у солнца и у моря,
отдать долги забыли мы
о «вечном» громко споря...

Будем жить на разных в жизни полюсах,
но замёрзнут стрелки на твоих часах,
будешь помнить осень, расставанья грусть,
боль в себе мы носим, что же, ну и пусть...
и замёрзнет сердце, вспоминая лето,
я была, наверно, просто не согрета,
и приходит осень
в нашу жизнь, как зрелость,
не о чём не спросим,
а ведь так хотелось
мне любить и верить,
доверять тебе,
жизнь глотками мерить
по утренней заре,
так хотелось нужной
и любимой быть,
солнце вижу в луже,
будем дальше жить!

Когда судьба меня кромсала
и выжимала соки все,
как мне тебя недоставало
в печальном этом сентябре...
Никто молитвой не озвучил
мои сомненья, горя зной.
Терзала я, меня ты мучил...
И жизнь промчалась стороной...
и только лишь осенний ветер
молитвы к Богу вознося,
сказал - жила на белом свете,
жила, но кончилась ты вся...

О чём поют часы сегодня,
их тёмно-серый циферблат,
созвучен с волею Господней,
не прокрутить часы назад...

О чём поют сегодня скалы
и голубые небеса,
кого нашла и что искала,
и где у счастья полюса?..

О чём поёт сегодня вечер,
о чём опять грустит вода,
стереть из сердца нашу встречу
мне не удастся никогда...

Ночное небо, звёзды, тишина,
и тусклым фонарём горит луна.
Стремительно проходят наши дни,
не успеваешь поменять календари...
Мой Судный день,
он ближе мне сейчас,
чем блеск твоих холодных глаз,
ложится тень
от фонаря,
мои грехи, моя судьба...
Не уходи, подруга-ночь!
Всегда твоя была я дочь,
любила я ночной прибой,
воды касание с луной,
и волн стремительный полёт,
за всё платить пришёл черёд...
Мои ошибки, неудачи,
мой вечный бег усталой клячи,
мой Судный день...
Ложится тень
от фонаря небесного на плечи.
Быть может завтра станет легче...

Пусть стихи – это повесть,
пусть стихи – это грусть...
О тебе беспокоясь,
с пустотой поделюсь,

И не будет возврата
ни за что, никогда
к нашим призрачным датам,
что чертила судьба.

И застынет над строчкой
в беспокойстве рука,
и конечную точкой
не вздыхает строка...

Серым цветом пусть обозначатся
дни, прошедшие без тебя,
даже небо дождями плачется,
словно слышит оно меня...

Стать бы мне просто серым облаком,
и небесный раскрыв парашют,
не скитаться вокруг да около,
приземлиться, где любят и ждут...

Отчаянье огромной чёрной кошкой
дорогу мне сейчас перебежало...
Я вижу мир из своего окошка,
и этого, наверно, слишком мало...

Я перейду на сторону другую,
отчаянью меня не победить,
любить - любила, только не ревную,
а значит научусь и позабыть...

Отчаянье приходит к нам, как фаза
небытия,
забыть тебя немедленно и сразу
умею я.

Закружило, завертело,
унесло в круговорот,
и с душой не ладит тело,
а совсем наоборот!

Как снежинка, в небе тая,
как дождинка на ветру,
я сегодня принимаю
эту странную игру...

Закружил в водовороте,
плеч, ладоней, глаз и губ...
Не пьяна, но вся на взводе,
ты со мной не будешь груб...

И останется на память
только блеск холодных глаз,
тех, что не умели ранить,
только лёд прощальных фраз.

И когда листвы янтарь
каблучком пронзаю я,
думаю, где эта грань
на границе бытия,
меж нежившим и отжившим,
меж любимым и любившим?..
Как на спицу - на каблук
наколола боль разлук...

Каждый раз стою у пропасти,
каждый раз...

Проникают в душу колкости
этих фраз...

Для чего ты так стараешься?

Снова боль...

Уколоть меня пытаешься,
как иглой...

Каждый раз у края дерзости,

На краю...

А когда приду я к смелости-
разлюблю...

СТАТЬ БЫ ХИЩНОЙ РЫБОЙ...

Реки. Горы. Вехи.
Судьбы. Города.
Те же человеки.
Талая вода.
Жизнь пунктиром бьётся
из набухших жил,
эмигрант смеётся,
плачет старожил,
и объявят громом
здесь на целый мир
голосом знакомым,
что закончен пир:
«Вы уже не пара».
Время разделив,
Я – у стойки бара
пью аперитив...
Ты – сидишь напротив,
небритый, злой и грустный,
разбавляешь вроде
водкой наши чувства.
Уезжаю в среду.
Крест на всём и баста.
Завтра к морю еду.
Ты не видел ласты?

Стану хищной рыбой
в океане чувств,
и тогда с обидой
точно разберусь.

И новые строки ложатся в скрижали,
как всё же мы много Ему задолжали.
Я может, уже перебрала лимит,
и может уже отменили кредит.
Не хочется просто, сражаясь с природой,
считать поглощённые мной углеводы,
бросаться в объятия сомнительных лиц,
найти в них орлов, а не певчих птиц.
И исполняя заказ или прихоть,
соседу-маньяку на лестнице «выкатать»,
культурно послать на весёлые буквы,
и пить кислый чай с размороженной
клюквой.

И снова читать до утра Пастернака.
И снова забыть прогуляться с собакой.
И снова поверить словам и подаркам.
И призраков старых распугивать палкой.
Мне легче остаться. И жить нашим
прошлым.

Мне легче казаться. Казаться хорошей...

Конечно, было, было одиноко,
Лапша и на ушах, и на обед...
И старились мы раньше, раньше срока,
затягиваясь дымом сигарет...
Обманывая возраст и природу
прикидывались дурами не раз
в одну и ту же попадали воду,
поверив блеску нелюбимых глаз...
Конечно, было, было одиноко,
сжигали за собой не раз мосты.
Не ввязывались в драки, в ссоры, в склоки,
а обходили тёмные кусты.
И с завистью смотрели на влюблённых,
целующихся в парке напоказ.
И боль души страстей неуголённых,
так много лет преследовала нас...

Я родилась в год Огненной Лошадки
И с детства очень разною была,
С судьбой своей не раз играла в прятки,
А может быть играла мной судьба.

Я рыжей родилась, а это значит –
Огонь в крови, в поступках и в любви,
Ах, как меня хотят переименовать
Мои друзья и недруги мои.

И ты. Такой спокойный, но упрямо
Твердишь: «Непредсказуемость твоя
в моей душе опять оставит раны»,
Но, что поделать, вот такая я...

Я - Женщина, а это значит
непредсказуемость и тайны, и мечты,
И пусть соседи злобные судачат,
Мне – всё равно. И это знаешь ты.

Давно пора привыкнуть и поверить,
Принять такой. И в этом жизни суть.
Никто тебя любить так не умеет,
И мучить так. Уж ты не обессудь.

Я забыла гордость,
ни к чему она,
вылита условность
в повседневность дня.
Обжигает болью
ночь. И страсть. И блуд...
Может быть любовью
это назовут?

НАША ШАХМАТНАЯ ЖИЗНЬ

Чем бы мне тебя занять,
может в шахматы сыграть? –
Начинается дебют,
белые победы ждут...
Применяю вскрытый шах,
было всё у нас не так,
рокировки длинной ход,
вышло всё наоборот,
середина - миттельшпиль,
в нашей жизни полный штиль,
примени же ход конём,
только раз один живём!
Жизнь играет с нами блиц,
разных судеб, разных лиц,
в окончании - сдаюсь,
потому что снова грусть -
и в ферзи проходит пешка..
время щёлкает года,
как орешки,
без труда...
И бросает шелуху
и на жизнь, и на строку...

Не женщиной – кометою
В судьбе твоей была,
Осталась не согретою,
Непонятой ушла.

Вино любви не склеилось
С тобой допить до дна,
А как мечталось-верилось
В те, лучшие года.

Как песня недопетая
Волненья прежних дней,
Не женщиной – кометою
Была в судьбе твоей!

С уборками и стирками
покончу на корню...
Каблучками - шпильками
сердце проколю...
Ритмы танго четкие
так доступны нам,
может, выпьем горькую
мы напололам...
Эта непредвиденность,
полумрак и свечи,
и уйдёт обыденность
хоть на этот вечер...

Не дари мне, пожалуйста, розы,
подари мне попроще букет,
нашей жизни всегдашняя проза,
мне дороже, чем лучший сонет,

Помнишь, жили и трудно, и бедно,
до зарплаты считая гроши...
Испытание роскошью вредно,
Для живущей стихами души.

Не дари мне, пожалуйста, розы,
подари мне попроще букет,
позади наши бури и грозы,
с гулким эхом от прожитых лет.

Непогода, непогода
в нашем первом сентябре.
Я в такое время года
не понравилась себе.

Непогода, непогода,
за окном мелькает дождь,
понимает и природа –
ты сегодня не придёшь...

Тихо падают дождевики,
в небе солнца луч погас,
и ложатся паутинки
у моих печальных глаз.

Осень рыжею волчицей
у порога к нам ложится,
воет тихо, виновато,
и стучит мохнатой лапой!

Осень рыжею волчицей
мне сегодня вдруг приснится,
глаз раскосых поволока...
золотое волчье око...

Осень рыжею волчицей
полежит и вдаль умчится,
пусть с собою унесёт
часть сегодняшних забот!

Я непокорные года
уже давно сложила в ящик,
живут отдельно от меня,
как суеты былой образчик...

Перевязала лентой их,
Конечно, – алой, как подарок,
пусть новый мой родится стих
под тающий свечи огарок.

Пусть будут новыми мечты,
сомненья, страсти и печали,
а неизменным – только ты,
пусть, мы совсем другими стали.

Но в нас живёт, ещё живёт
души неистовый полёт,
мы тишину умеем слушать –
ещё не очерствели души...

Опусти и не подай руки!
В этом мире печальных истин
Я плыву от тоски до тоски
и корабль не находит пристань...

Отпусти меня, вечная грусть,
Сколько можно держать в тисках,
Смерть, разлука, любовь и страх...
словно всадник по жизни мчусь...

Я прощаюсь с аллеей зелёной,
слышу стоны опавшей листвы...
и стоят поредевшие клёны,
словно вехи моей судьбы.
Почему так печальна осень,
почему не поётся мне?
Край неба касается сосен,
улетающий клин в синеве.
Знаю, скоро придут метели,
заморозят мне душу опять,
даже птицы сейчас улетели
в те края, где им вольно летать...

Спрошу смешливо: грусть?
а что ещё осталось,
и возраст и словно груз
и чувствуешь усталость...

Так смейся, плачь, люби
и радуйся закатам,
сомнения мои
останутся за кадром...

Закончено кино
и свет зажегся в зале,
теперь нам всё равно -
на вечность опоздали...

Нет, страсти не убить во мне полёт!
Я Маргаритой для тебя сегодня стану!
Мятежный ветер снова унесёт!
Я – Маргарита! Я давно летаю!
И если в женщине живут любовь и страсть,
и буйство чувств и музыка и ветер,
всё колдовское ляжет точно в масть...
Как мало Маргарит живёт на свете!..
Серый день, а с ним и серый воздух,
но я такая - серость не люблю,
я сегодня зажигаю звёзды,
а потом - тебе их подарю!

ТЕБЕ...

Я тепло твоих ладоней
пронесу через метели,
пусть холодный ветер стонет,
пусть дорогу вьюга стелет,

Мы с тобою у камина
вместе, рядом, свет огня
освещает пол, картины,
кресла, стены, люстру-бра...

Провожая день вчерашний
И тебя, подруга-грусть!
Ничего теперь не страшно,
даже смерти не боюсь...

О чём мечтать и что просить у Бога,
к небесной выси обращаюсь вновь,
желаний человеческих так много,
но главное желание- любовь...
Пошли любви, пусть даже безответной,
чтоб зазвучала музыка в душе,
навевная солнцем, морем, ветром,
но только не навязчивым клише,
Без показного стона или всхлипа,
без пафоса ненужного вообще,
недаром я судьбой к тебе пририта,
машины мчатся с гулом по шоссе,
И в сердце у меня найдётся место,
пусть даже болью станешь ты в судьбе ...
Ребёнок плачет из соседнего подъезда,
ребёнок плачет, словно о тебе.

Нашей встречи годовщина,
разве лучше есть причина
посмотреть в глаза друг другу,
улетают птицы к югу,

листья падают беспечно,
пусть любовь не длится вечно,
пусть взамен приходит мудрость -
просто вспомним нашу юность,

вспомним, как смеялось, пелось,
вспомним, как нам жить хотелось...
Вкус свободы, дивный вкус!
На губах растает грусть...

Нашей встречи годовщина,
разве лучше есть причина,
просто Богу помолюсь,
мне бы помнить этот вкус!

Я стану сегодня ветром,
спасительным ветром с моря,
я стану сегодня пеплом,
в котором теплится горе,

я стану сегодня птицей,
свободно парящей в высях,
упавшей с щеки ресницей,
тоскою, живущей в мыслях,

я стану тебе наградой
за веру твою и честность,
а большего мне не надо,
ну, может быть только - верность!

Добрый ангел ночной
к нам спустился с тобой...
Он расскажет тебе
об опавшей листве,
о дожде, о грозе,
о забытой стезе...
О пьянящем дурмане
из губ и волос,
о тоске, об обмане,
о море из слёз,
ничего от тебя
утаить он не смог,
этот ангел-дитя,
эта Истина - Бог...
О тебе, обо мне,
и о нашей судьбе...
Эти блики в окне...
постою в стороне -
потревожить боюсь
эту светлую грусть...

Выходи ко мне навстречу,
новым обожги огнём,
мы запомним этот вечер,
чтоб потом забыть о нём...

Расскажи, как жил ты раньше,
с кем смеялся, как любил,
лишь прошу - не надо фальши,
только так мне будешь мил...

Расплескались наши души
по страницам бытия,
я читаю - ты послушай,
ты читаешь - слышу я...

Даже вдруг застыли стрелки
на часах моих больших,
Встреча, как с судьбою сделка,
наше утро на двоих...

Мы с тобой две пылинки космоса,
притянулись магнитом душ,
слышу неба такие возгласы,
ты мне больше, чем друг и муж...

Мы с тобой две пылинки в вечности,
растворимся, уйдём на нет...
по наивной своей беспечности
я надеюсь, оставим след...

Что ещё бывает горького
перешли мы такую фазу,
больно ранят ложью стойкою
даже мысли, слова и фразы...

И диск солнца померк воочию,
и погасли все звёзды разом.
ничего нет более прочного
недоверья...его зараза

расползается вдруг по жилам,
как змеиный опасный яд,
как мы раньше с тобою жили,
не оглядываясь назад.

Не хочу унижать вопросами
ни себя, ни тебя, мой друг,
может, просто у моря спросим мы,
как суметь избежать разлук.

Сомнения, противоречья, боль
опять змеёй в мою вползают душу,
Всё хорошо, сегодня я с тобой
и это чудо больше не разрушу...

Когда глаза напротив не пусты
и тишину с тобой умеют слушать,
все помыслы становятся чисты...
Твои глаза сегодня лечат душу!

Ты сегодня моё лекарство
от печали и от разлук,
коронованный мной на царство
мой единственный верный друг.

Ты сегодня моё спасение
от любых невзгод и обид,
ты сегодня моё прозрение,
ах, какой же царственный вид!

И уходят обиды в прошлое,
боль потерь, измен череда,
буду помнить только хорошее,
потому что люблю тебя!

Ю. К.

Волчья преданность мне по нутру,
для меня это действие свято,
положи на меня по утру
две мохнатые сильные лапы...
Ты - мой волк, я - волчица твоя,
пусть рассудит нас время сейчас,
умирать за тебя буду я
каждый вздох, каждый миг, каждый час.
Ты мой волк одинокий и страстный
и по жизни, конечно, вожак!
Не была наша встреча напрасной,
я надеюсь, ты думаешь так!

Я сегодня любовью контужена!
Не сердись, дорогой, на меня!
Просто сердце моё разбужено
светом ярким её огня.
Может, буду я ею раздавлена,
сметена,
догорая свечой оплавленной,
на исходе дня...
Ничего на земле нет приятнее
и дороже нет...
Пропадаю в твоих объятиях!
Пусть наступит такая смерть!

Проснулась рано, потому что двор
метлою громкой подметает дворник,
и этот неприятный разговор
давай перенесём с тобой на вторник...

Давай не будем ссориться. Зачем?
нам выяснять обидней, чем обидеть,
так много есть других насущных тем,
как это раньше не смогли увидеть!

Ю. К.

Месяц мерцающим светом
Вновь осветил города,
Не спрашивай больше об этом,
Я просто пришла навсегда...

Снова душа ликует,
Знаешь ты или нет,
Мысли мои фильтрует
Твой фиолетовый свет...

Наверно, Ты ближе к Богу
И в этом весь твой секрет,
Задумчиво, тихо, строго
Не судишь - даёшь совет.

С такой душой нараспашку
Не просто на свете жить.
Чужую боль, как рубашку,
Примерив, с собой носить...

Из ничего, из полной пустоты,
бурно, неожиданно, красиво
Из снов моих вдруг появился ты,
я понимаю, что опять любима...

Я чувствую... И это важно мне,
Душа опять поёт и торжествует!
И пусть сгорю, сгорю в твоём огне
Меня сегодня это не волнует...

Я всего только шаг между прошлым и
настоящим,
я всего лишь звезда, в этом небе, куда-то
манящем,
я всего лишь вопрос, на который не будет
ответа,
и в судьбе я твоей лишь комета, комета,
комета...
Блики в небе ночном, ожидание чуда
продлится,
пусть кометой приду, и я знаю, тот миг -
повторится...

Твои виски посеребрила мудрость,
уже морщинок много возле глаз...
Непонимание такая в жизни трудность...
так пусть она не настигает нас.

Простим друг другу прошлые ошибки,
они давно нам больше не нужны
и разногласия, как битые бутылки,
мы просто выбросим, нам нету в них
нужды...

Мы будем жить, друг другу доверяя,
до глубины души, до мелочей...
Ты понимаешь, я уже другая
и не боюсь мерцания свечей.

Мы оба станем ближе, ближе к Б-гу,
сплетенье душ важней сплетенья тел,
и счастья не бывает слишком много,
а разве ты любви другой хотел?..

Зачем поверил ты словам нелепым,
Зачем к дурным прислушался советам,
Я, вопреки «друзей» наветам,
Тебе по-прежнему верна...
Бокал измен допив до дна,
Ты - у меня один, я - у тебя одна,
Судьба другая нам обоим не дана.
Друг друга нам испытывать терпенье?
Давай отбросим глупые сомненья,
жизнь коротка, она - одно мгновенье,
Мгновение... И - канем в никуда...
Ты у меня - один, я у тебя - одна...

Я тебя придумала
Из вчерашних снов,
Я тебя придумала-
Это не любовь.
я тебя придумала,
Извини, опять...
Я тебя придумала,
И не стоит ждать...
Ни любви, ни верности
Больше не ищу...
Я тебя придумала-
Я и отпущу...

Нам с тобой уже не встретиться
Нам не развести огня,
лист опавший гномом вертится
под ногами у меня...

Нам с тобой уже не сблизиться,
разве что на небесах,
всё оттуда лучше видится,
даже чёртики в глазах...

И наступит вдруг блаженство,
не доставшееся мне...
В небесах - ты совершенство,
грешник - только на земле!

В городе разбитых сердец
Мы с тобой встречаемся вновь,
На тебе безбрачья венец,
А со мной всегдашняя боль.

В городе забытых надежд,
Расписание позабыв поездов,
На глазах у любопытных невежд,
Мы с тобой встречаемся вновь.

В городе несбывшихся снов
О любви поют тополя,
Там, где я встречала любовь
Радугой в конце сентября.

Ю.К.

Мы перешли наш главный Рубикон,
непониманья реку переплыли,
нам, не постигшим истины закон,
на чудеса не говорившим "были",
непонимающим ни таинство зеркал,
ни волшебство щемящих звуков скрипки,
нам рано танцевать последний бал,
жизнь «разбазаривать» от плача до
улыбки...

Ну что ж, мой Цезарь! Позади она...
Река из мудрости вселенской и забвенья,
я знаю, что твоя рука сильна,
меня всегда удержит от паденья...

N.N.

Эта встреча почти случайная
через столько вёсен и слёз.
Не считала я изначально
те обиды, что ты нанёс...

Всё прошло и покрылись инеем
наши чувства и наши мысли.
Как умели, так и любили мы
в непутёвой совместной жизни.

Эта встреча почти случайная
не разбудит в душе огня
и останется вечной тайною,
как все годы ты жил без меня?..

Пусть будет всё у нас, как не у всех,
на завтрак - борщ, а на обед - второе,
забудем ложь и в этом наш успех,
когда в глаза открыто смотрят двое...

Пусть будет всё не так как у других,
сегодня накормлю тебя стихами,
Ах, ты устал давно уже от них?
Ну, ничего, тогда прочту их маме.

ДОМ - ЭТО НЕ СТЕНЫ

Я знаю и твердо верю,
И снова скажу о том,
Дом - это не стены,
А люди, живущие в нем...

Не крыша, не пол, не утварь,
не мебель, не потолок...
Дом - это наше утро,
Свежей воды глоток...

Горы грязной посуды,
неделю немытый пол,
Соседские пересуды,
Дом - это мы с тобой...

Меняются поколения,
Эпохи и города,
Дом - это не строенье,
Дом - это ты и я...

Дом-это наши будни,
Наша любовь и боль,
Дом - это только люди,
Люди, живущие в нем...

Я ВЫБИРАЮ ГЛАВНОЕ...

Мой день расколот надвое,
на мишуру и тень,
я выбираю главное -
я продолжаю день.

Мой мир расколот надвое,
победы, поражения...
Я выбираю главное -
мой дар стихосложения...

Мой век расколот надвое,
на мрак и веры свет,
я выбираю главное
уже две тыщи лет...

У Бога нет времени для чепухи,
и нет у Вселенной предела,
а я просто сдуру кропаю стихи
в квадрате Малевича мелом.
Я крестики ставлю вместо нулей,
была от рожденья несмелой,
а ветер сдувает репейник с полей,
и море пузырится пеной...
А в небе пчелой прожужжал самолёт,
за стенкой играют Шопена,
уже не надеюсь, что мне повезёт,
и смыта житейская пена.
Как хочется вверх, а катишься вниз...
Как жаль, что жила я не смелой,
и перечёркнута целая жизнь
в квадрате Малевича мелом...

Жизнь порою нелепа,
но в седле я держусь,
и словесного степа
я уже не боюсь...

Жизнь порою забавна,
на ухабах трясёт,
не забыть бы о главном,
обойти поворот.

Жизнь проходит кометой,
освещая на миг,
ярким солнечным светом
мой восторженный крик...

*Марии Соццани,
второй жене И.Бродского*

Что это было? - Дар Богов
и Божья милость!
С картин великих мастеров
она явилась!

И растопила лёд измен
без сожаления,
вдохнула радость перемен
в улыбку гения!

Смотрел Всевышний в небесах
на пару эту...
Поэты с верой в чудеса
уходят в Лету...

И приходят слова... может, даже из дыма и
пепла...

Паутинками строк заплетая мгновенья в
тома,

я всё время одна, я пылинка, несомая
ветром...

Бесконечность волшебных миров
открываю сама...

И приходят слова чёрной вязью на белое
поле...

досаждая, преследуя и обвиняя не раз,
эта разная жизнь с берегами из Счастья и
Горя,
эта вечная- вечная боль недосказанных
фраз...

И приходят слова из космической
сумрачной дали,

обещают и верят, и снова о чём-то
грустят...

и приходят слова... Те, которых совсем и не
ждали,

и о вечном со мной уже тысячи лет
говорят...

Воспоминаний парашют меня уносит,
в края, где жёлтый хоровод водила осень,
И уступала в свой черёд дорогу сказке,
и к нам являлся Новый год в блестящей
маске.

И закружился хоровод метели белой,
и снова сносит парашют куда-то время,
я без тебя который год живу несмелой,
ты мой забытый Дон Кихот, я -
Дульсинея...

Нет, сегодня совсем не ветрено.
Не ищи. Я не рядом. Нет меня.
Я не леди Мэри, но всё же
на неё я была похожа...

Залетала к тебе с ветрами,
эти бури мы делали сами,
грозовые тучи спустились
и надежды давно разбились...

Залетала к тебе с туманом,
даже в снах не жила обманом!
Нет. Сегодня совсем не ветрено.
Не ищи. Я не рядом. Нет меня...

Два дня в моей душе одни пожары...
Вчера - сгорели почему-то крылья.
Сегодня - все надежды и мечты.
И пламя было очень сильным.
Небесной доставало высоты.
Кто я теперь?
Какой на свете зверь?
Обрубок мироздания?
Злая тень?
Открылась дверь
Вселенского Сознания,
мне в этот день.
И что мне делать с этой правдой мира,
куда нести свою благую весть? -
Умолкла муза и устала лира,
да и врагов невидимых не счесть...
А я всё слышу, слышу этот голос,
который направляет и ведёт,
пусть я давно сгоревший в поле колос,
и пусть меня моя Голгофа ждёт...
Сгорю дотла. Но Б-г подарит крылья,
исчезнет вдруг рубец обиды старой,
и стану я опять крылатой, сильной...
Два дня в моей душе одни пожары...

А где-то там, в безмерности
и в зазеркалье странном,
все наши откровенности
читают великаны,
там за судьбы пределами,
всё просто и понятно,
И из другого сделаны
там люди, вероятно...
Большое мелким чудится,
а серое цветным,
и по- другому любитя,
и дышится другим...
За мрачным горизонтом
сгорает тихо ночь...
в мире перевёрнутом,
не сын рождается - дочь...
Стареют там картины,
а мы - свежи, как прежде,
там сказочной долины
цветут сады надежды.
Большому подсознанию
привиделось всё это!
Не разразитесь бранью -
мечты - удел поэта...

В этом городе ложь
заполняет пространство,
ищет старенький бомж,
ищет право на царство...

В нём надежда грустит
и душа замерзает -
город в бездну летит,
но об этом не знает...

И на свалке судьбы,
где горит Колизей,
без особой борьбы
мы теряли друзей...

Нам бы выжить в аду, -
ослеплённым глазам,
не увидеть в дыму
этот солнечный Храм...

И над старцем седое
распахнулось вдруг небо, -
у бездомных другое
понимание хлеба...

В этом городе Ноя
жизнь сложна и убога,
у бездомных другое
понимание Б-га....

Мой Б-г во мне. Он здесь. Он рядом.
Он слышит каждый вдох и каждый вздох,
Не одобряет праздничных парадов,
не отбирает у бродяги хлебных крох...

Руками обезумевшей старухи
бездомных кошек кормит по утрам,
Он - даже в ерунде, в полёте мухи,
и каждый лист с травинкой Б-жий Храм...

Мой Б-г во мне. Он здесь. Он рядом.
Мой Б-г в душе. Уже две тыщи лет.
Не одобряет праздничных парадов,
Когда у нищего гроша нет на обед...

С молитвой снова обращаюсь к Б-гу!
Не попрошу я ни дворцов, ни царств!
Ни преданных друзей, ни лёгкую дорогу!
Ни долгих лет, ни сказочных богатств...
Дай мудрости понять псалмы Давида,
дай мудрости проникнуть в Каббалу,
не соблазниться яркостью софита,
дай мудрости познать себя саму...
Чтоб разделить добро от зла стеною,
и растопить бескрайний лёд сердец,
Не для себя, другим построить Трою,
Пошли мне только мудрости, Творец!

Я в лабиринте собственных иллюзий,
брожу давно с закрытыми глазами,
нагруженная неподъемным грузом,
и преданная лучшими друзьями...

Я в лабиринте собственных мечтаний
опять забыла нужный поворот,
на станции моих воспоминаний,
наверное, меня никто не ждёт...

Я в лабиринте собственных забот,
в болоте из навязчивых сомнений,
всегда ищу такой мне нужный брод,
чтоб реку Жизни перейти без сожалений.

Через тысячу непрожитых лет,
я в никуда приобрела билет,
И жду теперь последнего трамвая,
на остановке странствий замерзая...

Я жду трамвай уже который год,
а он в другую сторону идёт,
промчится мимо, просто в дымке тая,
меня совсем, совсем не замечая...

Что делать? И кого теперь винить!
А может просто я всегда спешила жить?
На остановке тихим призраком стою
у края пропасти, у бездны на краю...

С навигатором строгим
я по жизни промчусь,
по бескрайней дороге
с названием грусть,
а когда по велению
всесильных богов,
вдруг приближусь к забвению
на границе веков,
стану веткой берёзы,
стану кистью рябины,
стану чайною розой,
или нежною ивой...

А быть может дождевой
я прольюсь по утру,
или маленькой льдинкой
я растаю во рту...

Но приятней, наверно,
белым облаком стать,
чтоб к тебе, непременно
по утрам прилетать!

Между адом и раем,
между светом и тьмой,
жили мы, выбирая,
путь, что звался судьбой.

Потерялись надежды,
и забыты мечты,
по дороге, где «между»
выходило из тьмы...

Что волнует, как прежде,
И что душу гнетёт?
Это вечное «между»,
что в сомненьях живёт...

Между раем и адом,
между светом и тьмой,
и от истины рядом,
мы в полшага с тобой!

И. МАНДЕЛЬШТАМУ

*«Мы живём, под собою не чуя страны,
 Наши речи за десять шагов не
 слышны.*

*Только слышно кремлёвского горца –
 Душегуба и мужикоборца»...*

О. Мандельштам

1.

А ты бы мог и промолчать
 и жить при этом...
 Ведь так не любит воевать
 душа поэта...
 Летели искры от костра
 в другие дали,
 Они пришли и до утра
 Стихи искали...
 И ночь тиха была, тиха
 и неприютна,
 И где-то в сумраке стиха
 тонуло утро...
 Расплатой страшной пустоты
 начала века
 уничтожали и мечты,
 и человека...
 Но не убить души полёт

и веру в свет,
душа по- прежнему живёт
и смерти нет!

2.

Есть дата рожденья,
есть месяц и день...
Есть стихосложение,
в нём музыки тень...
Есть крестные муки,
глаза с фотографий,
забытые звуки,
но нет эпитафий...
И где он обрёл
долгожданный покой,
и кружит орёл
над тяжёлой судьбой,
и плачут рассветы
и стонут закаты...
уходят поэты
в печальные даты...
Есть место и время,
есть лагерь, форпост,
заблудшее племя,
и чей-то донос...

Есть письма любимой,
где буквы, как графы,
нет только могилы
и нет эпитафий...

Мне не построить новый Третий Храм,
не победить в себе самой сомненья,
не прозвучит в моей душе хорал,
как таинство святого песнопенья...

Не будут Б-гу в нём дарить дары
И прославлять и мудрость, и величье
Левитам в нём не возжигать костры
и не проявит власть своё двуличье...

Мне не построить Третий Храм души,
с любовью не украсить вход и стены,
Не будут арфы в нём звучать в тиши
и не услышат плача Мельпомены...

Мне не построить Третий Храм мечты,
И мой Синай останется без храма,
и в этом мире из обычной суеты
не сыгранной осталась только драма...

МЫ

Какая жизнь - такое и житьё!
Разнообразие средств рождает форму,
и покупаем у старьёвщика старьё,
и чепуху мы выдаём за норму...

Проходим мимо умных светлых глаз,
нас не цепляет грусть их и усталость,
хоть и достала повседневность фраз,
мы лишь к себе испытываем жалость...
Не слышим музыки в звенящих струнах

лета,

Нам не доступны ни Бетховен и ни Бах...

А если и слышали их где-то,
то звуки страсти вызывают страх...

Мечты ослабли и желанья узки,
и ничего не в силах изменить,
мы просто проклинаям перегрузки,
которые натягивают нить.

Какая жизнь такая и «житуха»,
и чёрно-белым кажется кино,
беззубо улыбается старуха,
рассматривая наше "всё равно".

Какая жизнь такие в ней и нравы,
нет правил и оскалились года,
виновных нет, здесь все по сути правы,
но не бросайте камни, господа!

Я СОЖАЛЕЮ...

Я сожалею. Мне не изменить
ни расстояний, ни пространств, ни буден,
и остаётся преданно любить
и не судить тех, кто и неподсуден.

Я сожалею. Мне не поменять
своё пространство на другие выси,
и остаётся только молча ждать
огромной суммы из тоски и чисел.

Я сожалею. Мне не растопить
накопленных веками льдов раздора,
и равнодушие мне не победить,
и радиацию не вытащить из моря...

Не возродить цветущую Кармель,*
не посадить сады в пустынях мира,
из ничего не выйдет карамель,
из ничего не пишется картина.

Я сожалею. Мне не покорить
ни дальних гор и ни лежащих близко...

И с этим «сожалею» трудно жить,
да и летать приходится так низко!

**гора Кармель, на которой пожар
уничтожил вековые реликтовые
деревья (Хайфа, Израиль).*

Мы поделим на дроби, а что нам другое
осталось,

Эту странную сумму с коротким названием
– жизнь,

мы поделим на дроби тоску, боль души и
усталость,

а за то, что осталось в остатке ты крепко
держишься.

Мы умножим её на бессонные ночи и
праздник,

по которым так вечно беспечно томилась
душа...

Ты умеешь считать? Не хочу, чтоб какой-то
проказник

дал неправильно сдачу. Хочу получить до
гроша.

Мы разделим на дроби, а что нам другого
осталось,

мы разделим печаль и тоску,
незаконченность фраз,

Мы разделим на дроби ещё не пришедшую

старость,

как делили мы зрелость, ещё не забывшую
нас...

Мы поделим на равные части с тобой... не
сердись,

эту странную сумму с коротким названием
- жизнь!

Мне хочется твоей стать Галатеей,
лепи, что хочешь из меня, мой друг,
но не умею, просто не умею
я подчиняться правильности рук.

Когда мотор сердечный просит смазки,
когда давно закончились слова,
я не жила, любимый, по указке,
не говоря на горькое - халва.

Когда из сердца испарились звуки,
похожие скорей на мрачный стон,
Пигмалионом ты протягиваешь руки,
и безнадежно лишь в мечту влюблён.

Я не смогу твоей стать Галатеей
не потому, что не умею жить,
а просто потому, что не сумею,
я дать «на сердце руки положить»

Мы - художники, это ясно!
И справляемся мы прекрасно!
Под рукой все оттенки мира,
я рисую с тобой картину!

И в саду распустились розы,
белым пухом покрылись мимозы,
залетели райские птицы,
как шедевру не получиться!

Мой художник по жизни главный,
подпиши картину с заглавной,
распишись тягучей подписью,
а потом просто брось её...

И замажут чёрным и красным
То, что ты создавал напрасно...
И растащат сейчас по миру
нашу главную в жизни картину...

*«Докатимся до точки невозврата»
Татьяна Василяди*

*Докатимся до точки невозврата,
поставим крест на несчастливых датах...
Наверно, просто жизнь несправедлива,
она, как поезд пролетает мимо...
И побеждаем мы в себе Драконов,
с таким почти предсмертным стоном,
живём давно в железных панцирях,
и остановки путаем, и станции...
И снова побеждают нас иллюзии...
А думали, что подружились с Музами...*

Драконом к нам явился Новый год,
а я всю жизнь с Драконами сражаюсь,
и может быть мне завтра повезёт,
нет, я не плачу, я скорее - каюсь...
Ближневосточный странный Новый год,
без снега и, конечно же, без ёлки,
еврейских догм он не созревший плод,
из прошлой жизни лучшие осколки...
Пусть говорят, что в нас еврейства нет,
Рождение года по- другому понимаем...
И по привычке старой много лет
в двенадцать мы бокалы поднимаем,
За новый свет свершений и побед,
за новые стремления и мысли,
за новый день, за солнечный рассвет,
за каждый миг такой короткой жизни!

Д. Г

Мы с тобой в лабиринтах прошлого
разминулись всего на миг,
что мне сделать, скажи, хорошего,
чтоб услышал призывный крик.

Переплыть все моря чужие?
Обойти сто чужих земель?
Как мы раньше, ты помнишь, жили,
без звонка открывали дверь.

Мы с тобой в лабиринтах памяти
разминулись всего на час,
и стояла душа на паперти,
и забвеньё коснулось нас...

Что мне сделать? Скажи, пожалуйста!
Как вернуть на круги своя,
всё, что жизнь стирала безжалостно,
грубым ластиком календаря...

Но молчит отраженье в зеркале,
лишь мерцает неоновый свет,
никакими новыми мерками
не измерить прошедших лет...

*«Вот снова день исчез, как ветра легкий
стон»*

Омар Хайям

И снова день исчез, на горизонте тая,
и тёмных туч опять слетелась стая...
Живу не так, не там и не по плану,
и ветер теребит "былую рану"...
И хочется меняться... слишком поздно,
и тучи с неба на меня взирают грозно...
Качают шапкой старые каштаны,
они, как я, давно не строят планы...
я - мыслей важных полководец, вроде,
но нет порядка в непутёвом взводе...
Они уходят часто в самоволку.
Наказывать? - Нет никакого толку,
они витают где-то в облаках,
и возвращаются - в огромных синяках...
И снова убегают дню вдогонку
опять в очередную самоволку...

Есть Храм Поэзии, стоящий на песках,
Оазисом в пустыне равнодушья,
где наши мысли, где седины на висках
и наше слово - верное оружие...

Есть Храм Поэзии без потолка и нимф,
без львов у входа и давно без трона,
песочный замок из удачных рифм,
гармония - от смеха и до стога.

Есть Храм Поэзии, закрытый для других,
и вход в него душа, бесспорно, знает,
горячим сердцем сочинённый стих,
и по-другому просто не бывает...

Мой белый лист, как не рождённый день,
как белизна его всегда прекрасна,
но вдруг пишу... и новых мыслей тень,
ложится на него чертою красной...

Перечеркну привычные дела,
переступлю через себя не раз,
поэзия всегда меня вела,
всей мощью недосказанности фраз...

Всей силой неземного бытия,
и болью, что опять мне жжёт виски,
и крылья снова примеряю я,
и снова умираю от тоски...

Я - лицедейка,
Сцена - это мир,
Судьба - злодейка,
и мечтает об обмане,
она опять зовёт друзей на пир,
а знает - медный грош всего в кармане.

Я - лицедейка,
и размазан грим,
и льётся змейкой
по спине кровавый пот,
а где-то там непокорённый Рим,
а где-то там благословенный порт...

Я - лицедейка,
но закончен фарс,
в душе - еврейка,
с русскими мозгами,
я говорю судьбе в который раз,
играем в то, что выбираем сами...

Неспешно пыль я на балконе вытираю,
и он уже сияет белизной....

Моя дорога, что всегда по краю,
я постоваая на передовой...

Стираю пыль с придирок и амбиций,
и с пустоты, всегда ведущей вниз,
я улыбаюсь незнакомым лицам,
я протираю тряпкою карниз...

Стираю пыль с душевного ненастья,
и с равнодушием веду тяжёлый бой,
как хорошо, что есть такое счастье -
я постоваая на передовой...

Перелётная птица,
и тебе я не снюсь...
Умножаю сторицей
я вселенскую грусть...

Перелётная птица,
но, боюсь, разобьюсь,
мне бы в небо стремиться,
но я высей боюсь...

Перелётная птица,
окольцован мой мозг,
мне бы жить научиться,
только плавится воск...

Перелётная птица...
Пусть тебе я не снюсь,
может быть и случится,
и расплавится грусть...

Перелётная птица
и гнезда мне не свить,
так сумело случиться -
разучилась любить...

Перелётная птица,
далеко мой приют,
не успела родиться,
а уж в небо зовут...

Вопросов больше, чем ответов,
а хочется наоборот...

И снова песней недопетой
туман над городом плывёт...

И снова в сумраке столетий
скрывается мой Крестный Ход,
вопросов больше, чем ответов,
а хочется наоборот!

И снова вечным лицедейством
душа наполнена до края,
не назову обман злодейством,
я, сцену жизни выбирая...

Есть занавес из аллегорий,
эпитетов, есть явь и миф...
Фантазии цветное поле
и бесконечность точных рифм...

1.

Сражения на шахматной доске,
и партия, как маленькая жизнь...
Не пешки я держу в своей руке,
я на доске выстраиваю мысль...
Бойцы мои вперёд идут без страха,
и погибают стоя, как герои,
мир чёрно-белый взлёта или краха,
тысячелетьями проверены устои...
В нём, в чёрно-белом, серому нет места,
в нём нет обмана - только блеск ума,
к другому не сбегает в нём невеста,
и не грозят ни голод, ни сума...
Победы чаще, пораженья редки...
Я в шахматы играю с детских лет.
Есть всё-таки душа у каждой клетки...
И чёрно-белый жизненный сюжет!

2.

Мой чёрно-белый шахматный дебют,
нас здесь не помнят, там - не ждут,
мне не доступны рыцарей турниры,
застыли звуки и замолкли Лиры...
И дом, где обитало вдохновенье,
закрыт для старого и нового прозренья,

и чёрно-белый лабиринт летящих строк
сегодня бесприютно одинок...

И лишь фигурки на своём привычном поле,
ладьи и пешки о моей не знают доле,
у них всё проще, проще и понятней,
мир шахмат, он честнее, вероятней,
в нём нет коварства, зависти и лести,
ещё живёт понятие о чести...

в нём нет тоски, размером с океан,
мой чёрно- белый мир, ты мой самообман...

Ю.К.

Мы уже давно не романтики -
две слезинки, одна небрежность...
надоело в пустые фантики
заворачивать неизбежность...

Мы уже давно не романтики,
переломаны с детства крылья,
и на льдины далёкой Арктики,
наши слёзы пролились ливнем...

Мы уже совсем не романтики,
и давно вызываем смех,
но цепляем цветные бантики,
шар земной отпуская вверх!

Виктору К.

Каждый, Витя, несёт свой крест...
Гениальность, печаль иль мудрость...
Кто-то слышит благовесть,
а кому-то услышать - трудность...

И не пишет душой поэт,
если нет в ней добра и света,
не поэзия это, нет,
а рифмованные куплеты.

Ангел вновь спустился с небес,
тихо шепчет свою молитву,
только громко смеётся бес,
он за души выиграл битву...

МОЙ ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Мой потерянный край,
сорок метров "хрущёвки",
мой потерянный рай:
бельевые верёвки,
старый маленький дворик,
кривая беседка,
вечно пьяненький дворник,
смешная соседка...
Всё осталось давно
в перечёркнутом мире,
и немое кино
потерялось в эфире...
Было радостно жить,
хоть пелёнки да стирки,
мы умели любить
и в убогой квартирке...
Мы умели мечтать,
видеть замок в сарае,
я вздыхаю опять
о потерянном рае....

Равновесие слова и мысли.
Соответствие дела со словом.
И повисли слова. Повисли.
Бесконечным немым укором...

В перекрёстках безверия страшно,
и не слышно ни стопа, ни крика,
между прошлым и настоящим,
существует лишь вечность мига...

Странной лестницей в небо - шпалы...
и проносится поезд снова...
Целой вечности всё же мало,
для баланса мысли и слова...

*«Говорите со мною по-русски.
Я уже забываю слова»
Евгения Босина*

В этом мире, безумно узком,
столько горя и зла сплелось,
говорите со мной на русском,
чтобы солнце внутри зажглось...

Соломонову мудрость учим,
запиваем обиды чаем,
но великий свой и могучий
на минуту не забываем...

Вифлеема сияют звёзды,
Назарета церковные звоны...
Говорите, ещё не поздно,
я на русском услышу стоны...

Солнце будет опять в зените,
здесь зимой зеленеют пальмы,
вы на русском со мной говорите,
а иврит я детям оставлю...

Люблю по хайфским книжным
я тихим утром ранним
гулять по полкам нижним,
бродить по полкам дальним...
Вдыхать особый запах,
которым можно греться,
всю жизнь ходила в латах,
здесь распахнула сердце.
Поглажу «Мандельштама»
красивый переплёт...
Здесь – «Рубина» стояла,
теперь дыра живёт...
Привет тебе, «Марина»,
ты рядом с «Бродским» здесь,
печальной субмариной
стихов промчалась весть...
Я постою немножко,
пора, пора идти...
Похожие обложки,
но разные пути...
Люблю по хайфским книжным
бродить без всякой цели,
здесь я не буду лишней,
здесь *ИХ* живые тени...

**ЕЩЕ ДУША ОТКРЫТА ДЛЯ
ЛЮБВИ**

В порыве ветра, в шорохе ветвей,
услышь меня, услышь меня скорей...
Услышь меня через года и дали,
сквозь стены из бетона и из стали,

из тысячи, одну меня - услышь,
как слёзы облетают с красных крыш,
как бьётся сердце раненою птицей,
и ничего уже не сочинится...

Нет, на тебя обиды не таю,
услышь меня, я для тебя пою...
Призывный крик мой рассекает тьму,
и что там, вдалеке, я не пойму...

А ты опять, уже в который раз
уходишь прочь, не поднимая глаз...
Услышь меня, пожалуйста, услышь!
Услышь через закаты и рассветы,

лишь шорох капель нарушает тишь,
из сердца по кускам воруют лето...

Двое суток - дожди
и пузырятся лужи,
и ты солнца не жди,
и прогнозы не слушай.

Двое суток во мне
притаилось ненастье,
и как в призрачном сне
заблудилось счастье...

Двое суток - тоска
не даёт мне покою,
и стоят облака
у меня за спиною...

И в туманности их,
и в дожде без просвета,
не рождается стих,
и так хочется лета...

Эта серая даль,
облака, словно горы,
как дождлива печаль,
как задумчивы взоры...

N.N.

Не говорю тебе «прости»,
как и «прощай» не говорила,
я знала- нам не по пути,
и есть неведомая сила,

Которая, как Б-жий глаз,
всевидящее Б-жье око,
не верящих узрела нас
и наказала так жестоко...

Мы, лишь умевшие просить-
не научились понимать,
мы, не умевшие простить
при жизни преданы закланью...

Врата священного Сиона
уже закрылись перед нами,
без слёз, без крови и без стога
мы просто разошлись врагами...

Ты сегодня - закрытая книга.
Чем тревожит тебя поздний час?
И какая такая интрига
омрачила таинственность глаз?

Ты сегодня закрыт. Недоступен.
Лишь морщинки собрались на лбу,
Может шумная улица буден
пролегла через нашу судьбу?

Беззащитен и так бесприютен,
и не хочешь вести разговор.
Слышишь, песни забытые лютен,
через годы летят на простор!

Слышишь, вечная арфа Давида
начала прославлять небеса,
улыбнись мне, хотя бы для вида,
и поверим с тобой в чудеса.

Ещё один такой обычный день,
как младший брат за вечностью шагает,
по тротуару двигается тень,
которая меня не замечает.
Ещё одна погасшая свеча,
ещё одна мелодия сложилась,
ещё касаюсь твоего плеча,
и лучшее, поверь, ещё не сбылось.
Ещё душа открыта для любви,
ещё горит священный пламень веры,
меня в другие дали позови,
туда, где отступают все барьеры...
Ещё могу дарить тебе тепло,
ещё способно сердце на участие,
с тобой мне так спокойно и светло,
и это - счастье!

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

Редкие радости, поздние встречи,
Годы-песчинки прошли сквозь ладони,
Всё же надеюсь, что это - не вечер,
Всполохи памяти в старом альбоме.

Серые лица с простых фотографий,
серого времени серая вечность.
Письма не знают давно географий,
и начинается космоса млечность...

Бабушка с дедушкой. Мама- девчонка.
И на обоях цветы потемнели.
Папа-мальчишка держит котёнка.
Серое время проходит сквозь щели.

Сто раз я возводила эту стену.
Сто раз по кирпичу её ломала.
Сто раз была наивной и несмелой...
Сто раз мне всё казалось мало...

Мы и сейчас стеной отгородились
от мира, от других и друг от друга,
а раньше сны совсем другие снились
и не страшна была на сердце выюга...

Не испугает лёд зелёных глаз.
И ни тоска, которой нет предела...
Я разберу сейчас в сто первый раз
непониманием построенную стену...

Без злобы, без предательств и измен,
хочу построить новый Карфаген...
И прочною стеной отгородиться
от неудач, как финикийская царица.

С тобой мы словно колонисты Тира
стеной высокой от другого мира
отгородимся. И построим Храм...
И только музыка и розы будут там...

Цветами мы украсим все дороги
и в гости на обед придут к нам боги,
и ангелы закружатся над нами,
и будет жизнь, как сон, а сны- мы сами...

И этот маленький клочок небесной суши
я никому не дам теперь разрушить...
Без злобы, без предательств и измен
хочу построить новый Карфаген...

Удел поэтов- с одиночеством сродниться...
И пусть вокруг всегда родных и близких
лица,
оно большою, белой птицей
к тебе на край стола садится...
и где бы ни был ты, среди дорог,
иль в городе большом и суетливом,
переступаешь одиночества порог
в себе самом ты каждый раз незримо...
и одиночество с тобой из чаши пьёт,
из чаши вдохновенья и надежды,
и если вдруг оно в тебе умрёт,
не пишется...и ты не будешь прежним...

Пусть Клеопатра в каждой женщине живёт,
и меч всё так же сносит головы
влюблённым...

а ты, ко мне судьбой приговорённый,
согласен на печальный поворот?

Мы не играем, проживаем роли,
и без коварства вряд ли обойтись...
Как слишком много причинила боли
я в этой пьесе под названьем «Жизнь» ...

А ты меня с завидным постоянством
прощал всегда... и каждый раз, опять...
Нет, я не Клеопатра, не коварством
тебя сегодня буду покорять...

Подниму тебя, мой дорогой
из вонючей, замызганной лужи
и не важно, что пьяный такой,
ты, мне просто...наверное, нужен...

Отогрею тебя от пурги,
от мороза, от снега, от горя,
только ты мне, прошу, помоги
переплыть это грязное море.

Море, где утонула мечта
на бумажный кораблик похожая,
не жена я тебе и не та...
даже близко... а так... проходящая...

Вот и всё, разлетелись мысли,
словно буквы по букварю,
в этой странной и долгой жизни
много бед ещё натворю!

Но останется недосказанным
где-то там, за белым листом
то, что было с тобою связано,
оставляю я на потом...

Но останется не доигранной
эта драма и наша в ней роль,
уплывёт слезинкой невидимой,
растворится упавшей звездой.

Мы подходим к печальным датам
за которыми - пустота,
как жила, как любила когда-то,
а сейчас я уже не та...

Режиссёр беспощадный Вечность
текст диктует календарю,
разлетелись мысли беспечно,
словно буквы по букварю!

Нам вместе быть рано,
и врозь - слишком поздно...
И теплится рана,
открытая звёздам...

И больше не будет
ни песен, ни звуков,
обычная мука
из сереньких буден...

Не сложится дом
из ковров и из кресел,
и в доме не том
будешь счастлив и весел...

А я ухожу...
пропасть жизни без края,
А я ухожу...
нет, скорей - улетаю!

Слезой горькою прольюсь
сегодня над своею строчкой,
быть может, я кому-то снюсь,
и песню не закончу точкой...

Быть может где-то вдалеке
по мне тоскует странный рыцарь,
сжимая меч в своей руке,
и я к нему цветною птицей,

забыв про горе и печаль,
умчусь сегодня налегке,
а ветер пусть качает даль
в холодном мрачном сквозняке...

*«Забиться и забыть и
сбросить
это бремя,
Покуда свой клубок
разматывает время...»
Шарль Бодлер*

«КЛУБОК БОДЛЕРА»

В тугой клубок из разноцветных нитей
смотала я всё разности событий,
и спрятала куда-то в дальний ящик,
чтоб просто время - старенький обманщик
не спутало свершившихся событий,
чтоб в памяти остался свет открытий
горящих душ и пламенных сердец,
с которыми по жизни свёл Творец,
чтоб никогда не оборвалась нить,
любить и помнить, помнить и любить...
Когда-нибудь, нас всех рассудит вечность.
Ну а пока - танцует бал беспечность!
Живу. Молюсь. Надеюсь. Помню. Верю.
Пока "клубок разматывает время"...

Горю лишь вполнакала,
Тебя не обогреть.
Давно уже опала
С волос былая медь...

С душою нараспашку
устала воевать,
последнюю рубашку
мне некому отдать...

Пою в полтона тише,
не слышно... и не надо,
весь дух бродяжий вышел
в окно, за звездопадом.

А там нет зимней стужи,
дожди и грязь кругом,
и «хочется быть нужной»
оставлю на потом.

Наверно, всё же - тоска заразна.
С тобою можем твердить о разном,
забыть о том, как стремились в лето,
о стенку лбом - и не стать поэтом...

Наверно, всё же погасло небо,
остыло ложе, не стало хлеба...
исчезли звуки и стёрлись мысли,
и вечной скуки огни повисли...

Усталый путник свернул налево,
а мне - направо, до «беспредела»...
из чьих-то окон - обрывки джаза,
хочу так много - всего и сразу!

А на асфальте подсохли лужи,
Душа на старте, толчок ей нужен...
забыв о главном, взлететь стараюсь
и по-другому я жить пытаюсь...

Мы сегодня в этом городе одни,
небосвод включил сигнальные огни.
Снова на бумагу лягут строки.
Сон, как жизнь. А жизнь - одни уроки.

Крепость. Бастион. И наша тайна.
Дом, где оказалась не случайно...
Выстрадала. Выплакала. Знаю...
Этот дом, где я рассвет встречаю,

этот дом, где из окна полмира
мне открыла Муза или Лира,
этот дом, где слышен сердца стук,
этот дом - мой самый лучший друг...

ТУМАН

Мой друг - туман.

Он зимними ветрами
стучится в нашу запертую дверь.

Мой враг - обман.

Он встанет между нами,
опять умножив боль былых потерь.

Скитаюсь меж туманом

и обманом,

забытая и Б-гом и людьми,

по городам

дорогам,

весям,

странам,

я в поисках надежды и любви...

И ты сегодня близко и не рядом,

не замечаешь в суматохе дня

ни слов моих, ни ласкового взгляда...

Нет, ты не рядом. Хоть и близко я.

Мой друг туман накроет одеялом

до горизонта цепь из чёрных скал...

Я так давно в тумане потеряла,

всё то, что ты мучительно искал...

КОЛОРИТ

Мой иврит.

Он без среднего рода.

Колорит?

Или может природа

разделила так вечную тему,

на два полюса, или дилеммы.

Солнце - он, в нём мужское начало:

корабли, что стоят у причала,

облака, что купаются в море,

наши радости, страсти и горе,

всё - под солнцем, он всем верховодит,

день кончает и новый заводит...

И звезда - тоже рода мужского,

пропадает, рождается снова,

вечный символ космической власти,

разрывает нам сердце на части,

если с неба срывается вниз,

исполняя как - будто каприз

или волю того, кто над нами

управляет землёй с небесами...

Ты дарован, как вечное благо,
ты язык из святого Танаха,
но звучит в сердце новая песнь,
там, где «средний» всё-таки есть.

От времени остался завиток,
и вечный миг теряется в пространстве,
край неба, только этот лоскуток
зовёт меня в мир самых дальних
странствий...

Я знаю - не закончился полёт,
я расправляю руки, словно крылья,
зовёт меня, опять меня зовёт
набатов голос чей-то очень сильный.
И где-то на вершине подсознания,
я вижу этот свет и эту даль...
И не напрасны были все старанья
излить бумаге тайную печаль...

ЗЕЛЬЕ СТРАННОЕ

Рай и ад в одном флаконе-
зелье странное,
паутинки на балконе-
жизнь обманная...

И в клубок из тонких нитей
паутинкою
закрутилась нить событий,
тех, с горчинкою...

Рай и ад в одном букете -
Это - здорово,
и мечтаю на рассвете
жить по-новому.

Рай и ад в одном сюжете
равноденствия
и тоскую я о лете
от бездействия...

И плетёт старик-паук
жизни сети,
Рай и ад любовных мук
Есть на свете...

Слышу снова вечный звон.
Время каяться.
Распугает всех ворон
Ветер - пьяница.

И звучит в других краях
русский выговор,
вызывает только страх
жизни приговор.

Где-то спрятались в кустах
листья спящие...
На бегу всё, впопыхах,
Жизнь пропащая...

В небесах скучает Б-г.
Слово. Мысль.
И ложится вязью строк
чья-то жизнь...

Непонимания букет
ты мне дарил,
как незаконченный сонет,
вдруг рухнул мир...

Непонимания цветы
в душе остались,
завяли лучшие мечты,
сны потерялись...

Непонимания букет
и нет надежды,
и одинокий мой рассвет
опять, как прежде...

Непонимания букет,
завяли чувства,
и нет любви и страсти нет,
лишь мир искусства...

Шторы парусом треплет ветер,
Дым столетий проник в окно,
от надежды остался пепел,
только мне уже всё равно...

Скрипнет дверь. Штора - словно парус,
ветер странствий стучит в стекло,
как и прежде - мечтать стараюсь,
чтобы время не утекло...

И приходят опять видения,
быль и небыль смешались в миг
и на солнце «мои затмения»
отличаю я от других...

Не была ни святой, ни праведной,
получила всего сполна,
тот, кто жизнью кичится правильной,
тот не видит, что есть она...

МЫ - РОБОТЫ!

Мы - роботы.

Программы наши сбились.

Понятия добра и зла сместились.

Мы - роботы.

Всевышнего забота

руками нашими суметь построить что-то.

И всё случается стремительно и странно.

И падают правители и страны.

И забываются истории примеры.

Живём не думая, ни в чём не зная меры.

Давно забыли вкус и запах лета,

не верим в чудеса, а лишь - приметам...

Запутались в амбициях и склоках,

не видим сути в поэтичных строках,

наш старый Гамлет больше не философ,

у нас ответов больше, чем вопросов...

Мы - роботы.

Программы наши сбились.

Остыли чувства. Мысли заблудились.

Со мной часы сегодня говорят
о времени, летящем как ракета,
седеет очень быстро младший брат,
такая несчастливая примета.

Со мной часы сегодня говорят
мелодией дождей и прозой буден,
кто грешен был вчера- сегодня свят,
а виноватый- завтра не подсуден...

Ведут часы неспешный диалог
с душой моей, уставшей от тревог,
как безупречен их нехитрый слог,
как равнодушен к их движенью Б-г.

Нет Времени. Есть блеск любимых глаз.
Пространство и судьба. Любовь и Жизнь.
Есть только МЫ. Сегодня. И сейчас.
И в Вечный Разум посланная мысль...

Душа моя уже давно больна.
Не гриппом, не ветрянкой и не корью,
В сомнения опять погружена,
как прежде страстность путает с любовью.

Душа моя имеет бледный вид,
не хочет ни лекарств , ни утешений,
А доктор - время ставит свой вердикт:
«Диагноз-боль хронических сомнений»

ПОЭЗИЯ

Я срывала «цветы»* у Бодлера
и с Готье я беседу вела,
я стояла запретным барьером
между силами Света и Зла.

И судили меня за безбожие,
отлучали от церкви не раз,
тыщи лет я отчаянно прожила,
растворяясь в мелодии фраз...

Королева. Служанка. Богиня.
Лицедейка. И вечная жрица.
Как твоё настоящее имя? -
«Я - Поэзия. В жанрах. И в лицах»

** «Цветы зла» знаменитый цикл стихов
Бодлера.*

Ты сегодня - закрытая книга.
Чем тревожит тебя поздний час?
И какая такая интрига
нарушает таинственность глаз?

Ты сегодня закрыт. Недоступен.
Лишь морщинки собрались на лбу,
Может шумная улица буден
Пролегла через нашу судьбу?

Беззащитен и так бесприютен,
и не хочешь вести разговор.
Слышишь, песни забытые лютен,
через годы летят на простор.

Слышишь, вечная арфа Давида
начала прославлять небеса,
улыбнись мне, хотя бы для вида,
и поверим с тобой в чудеса.

Мы - вечные путники, странники,
избранный Б-гом народ,
скитальцы всегда и изгнанники,
в надежде, что "там" повезёт...

Меняем мы страны и реки,
меняем дороги, мосты,
Не боги мы. Лишь человеки.
Наивны. И слишком просты...

И жизнь открывается далью,
и снова печаль и заботы,
но все же за этой печалью,
откроется вечное что-то...

Дождливый вечер. Луна сбежала.
На мрачном небе ей грустно стало...
Дождливый вечер. Январь - лишь дата,
Надежда чья - то. Моя - расплата.
Меняю страны. Меридианы.
Меняю звёзды. Меняю планы.
Меняю судьбы. Дороги. Лица.
А может это мне просто снится...
Там, на могиле отца - ограда,
я точно знаю - покрасить надо...
Но нет дороги на то кладбище,
и только ветер над нею свищет.
Собрав пожитки, мы уезжали,
а наши деды в земле лежали,
Что потеряли, что получили?
Здесь нет тропинки к отца могиле.
Но, как и прежде в дождливый вечер
в шабат притихший зажгутся свечи...

Двое суток - дожди
и пузырятся лужи,
и ты солнца не жди,
и прогнозы не слушай.

Двое суток - тоска
не даёт мне покою,
и стоят облака
у меня за спиною...

И в туманности их,
и в дожде без просвета,
не рождается стих,
и так хочется лета...

Эта серая даль,
облака, словно горы,
как дождлива печаль,
как задумчивы взоры...

О, Господи!

Из всех твоих творений,

Я - оголённый нерв из заблуждений,

Я - только сгусток памяти и боли,

Я – птица, что твоей подвластна воле,

Я - дерево, что тянет кроны к свету,

Я - лишь тоска, известная поэту,

Я - нота из мелодии гармоний,

Я - вечный поиск новых аллегорий...

Я - только миг, пылинка Мироздания,

но я твоё творенье и создание...

Этот вид из окна!
Эти горы и море!
Из прекрасного сна
на библейском просторе!

Этой вечной земли,
притяженье святое,
и пески замели,
всё безверье былое,

этот странный тандем
возрожденья и праха,
и величие тем
из святого Танаха...

Прикасаешься здесь
ты к истокам творенья
и Создателя весть
здесь звучит песнопеньем...

Я природы какой?
И какого я роду?
Назову ли судьбой
я свою несвободу?

И отыщет ли в зной,
или в ливень холодный
свой земной непокой
разум грешный, безродный...

Как много нужно для души,
Как мало надо...
Век одиночества в тиши
и дня прохлады...
И тёплый дом и водоём,
и зелень сада.
Пролиться утренним дождём,
стать водопадом...
Как много нужно для души,
как мало надо,
на поиски любви спешить
не за наградой,
найти весь мир и потерять
и заблудиться,
и в небе снова воспарять
подбитой птицей...

НА ПОРОГЕ ИСТИН

ПРОСВЕТА В КРОНАХ.....	11
ВОЛЧЬЯ ЯГОДА.....	81
ТЕБЕ.....	119
Я ВЫБИРАЮ ГЛАВНОЕ.....	145
ЕЩЕ ДУША ОТКРЫТА ДЛЯ ЛЮБВИ.....	191
«КЛУБОК БОДЛЕРА».....	206